Истории Эстериона

Не приглашай его к огню

Алекс Куверн

Алекс Куверн

Истории Эстериона: Не приглашай его к огню

https://litres.ru/74376673
SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ из мира Эстериона. Основная серия — «Эстерион: нити сомкнутой завесы».

На севере Лорвейна зима всегда забирает людей. Но разъездной лекарь Хальвен Лейр быстро понимает: несколько недавних смертей невозможно списать на холод или болезнь.

Все погибшие жаловались на одно и то же — они больше не могли согреться.

И почти каждый перед этим встречал загадочного незнакомца, появляющегося возле трактов после заката.

Содержание

Не приглашай его к огню 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Алекс Куверн
Истории Эстериона: Не приглашай его к огню

Не приглашай его к огню

Когда Хальвен Лейр приехал в Беррен, первый снег уже лёг на северный королевский тракт и сделал дорогу обманчиво чистой. Под белым покровом прятались колеи, замёрзшая грязь и камни, так что его кобыла дважды оступилась на последнем подъёме, а сам разъездной лекарь успел проклясть и погоду, и наместника, и древнюю лорвейнскую привычку считать каждую дорогу хорошей, если по ней хотя бы однажды проехал сборщик налогов. Беррен стоял на склоне над широкой речной долиной: две сотни домов, каменный храм, башня королевского дозора и частокол, за которым ветер немедленно становился личной проблемой соседних деревень. Из труб тянулся дым, у ворот пахло лошадьми, мокрой шерстью и горячей смолой. Всё обещало обычную зимнюю остановку — простуды, обмороженные пальцы, больные спины и несколько дней у печи, прежде чем Хальвен двинется дальше.

У коновязи его встретила женщина в накинутой поверх

ночной рубахи шубе. Она назвалась Лиссой Тарн, схватила лекаря за рукав и сказала, что её сын умирает. Хальвен не любил, когда диагноз сообщали прежде, чем он снимет дорожный плащ, но спорить не стал. Он оставил кобылу мальчишке с постоялого двора и пошёл за Лиссой через три улицы, слушая обрывочное объяснение: Оллену девятнадцать, прежде ничем серьёзным не болел, вернулся три дня назад из соседней деревни, сперва жаловался на усталость, потом перестал согреваться. Сегодня утром не смог подняться.

В доме было жарко. В очаге трещали поленья, окна запотели, возле кровати лежали нагретые кирпичи, завёрнутые в шерсть. Оллен дрожал под тремя одеялами, но кожа у него оставалась не просто бледной — бесцветной, словно кровь отступила от поверхности и не собиралась возвращаться. Хальвен проверил пульс, заглянул под веки, осмотрел горло, грудь, живот и все места, где могли скрываться рана или укус. Ничего. Пульс был медленным, дыхание — ровным и слишком редким, губы посинели. На прикосновение юноша оказался холоднее воды в зимнем колодце.

— Он падал? Ударялся головой? Ел грибы, незнакомые ягоды, мясо павшего животного? — спрашивал Хальвен, растирая Оллену руки смесью масла и горчичного порошка.

Лисса отвечала на всё отрицательно. Её муж подбрасывал дрова, будто надеялся сжечь болезнь вместе с домом. Хальвен велел убрать раскалённые кирпичи: на ногах больного уже появились ожоги, которых тот не чувствовал. Вместо

них приготовил тёплую ванну, добавил соль, дал несколько капель настойки сердечника и заставил Оллена пить сладкий отвар маленькими глотками. Обычно тело отвечало на такое учащённым пульсом, испариной, хотя бы слабым порозовением кожи. Здесь тепло задерживалось только снаружи. Вода вокруг юноши остывала быстрее, чем её успевали подливать, а по краю деревянной купели выступил иней.

Перебирая лекарства, Хальвен задержался на плоском пузырьке с настойкой жарника. Резкий состав мог подстегнуть сердце и заставить ослабевшее тело вырабатывать больше тепла, но при таком редком пульсе разница между лечением и последним толчком измерялась несколькими каплями. Он поставил пузырёк обратно и выбрал сердечник. Осторожность не помогла, однако от этого опасное средство не стало безопаснее.

— С кем ты был в дороге? — спросил Хальвен, когда Оллен ненадолго пришёл в себя.

Тот с трудом повернул голову.

— Один.

— Где ночевал?

— В старой караульне… у развилки. Там был человек.

— Он уже был внутри?

Оллен едва заметно качнул головой.

— У двери стоял. Я огонь развёл… сказал, что одному всё равно слишком много дров. Позвал сесть.

— Какой человек?

Оллен слабо улыбнулся, и на лице, уже почти лишённом жизни, появилось странное, почти зачарованное выражение.

— Красивый.

Больше он ничего не сказал. К вечеру дыхание стало ещё реже. Хальвен поддерживал сердце настойками, согревал воздух паром, растирал грудь, но под пальцами ощущал лишь нагретую кожу, тогда как удары сердца становились всё тише и дальше друг от друга. Оллен умер незадолго до полуночи. Когда мать закрыла ему глаза, на ресницах блестели крошечные кристаллы льда.

Утром Хальвен узнал, что Оллен был третьим молодым человеком, умершим за месяц с одинаковыми признаками. В Беррене, однако, говорили уже о четырёх жертвах: к той же непонятной болезни относили ещё одну смерть. Ренна Коль с мельницы у северной переправы и плотник Доррен из деревни Лорн прежде были здоровы. Оба сначала жаловались на усталость, потом перестали чувствовать тепло; у обоих замедлилось сердце, а нагретые кирпичи оставили ожоги, не вернув коже цвета.

С Миком Лоссом всё было иначе. Он пять дней лежал в настоящей лихорадке ещё до того, как начал мёрзнуть, метался и бредил, а местный цирюльник дважды записал жар, от которого простыни приходилось менять среди ночи. Только перед смертью Мик внезапно стал холодным и тихим.

Отец уверял, что огонь его не согревал, но в записях не было ни медленного пульса, ни инея, ни потери чувствительности. Зато за два дня до смерти Мика видели возле дома с незнакомцем, которого никто не сумел толком описать. Этого оказалось достаточно, чтобы в пересказах четыре разные истории превратились в одну.

Местный цирюльник всё ещё считал происходящее разновидностью зимней лихорадки. Служитель храма говорил о печали, вытягивающей силы. Начальник дозора Родек Вайн подозревал яд и уже допросил двух торговцев специями, одного травника и обиженного жениха Ренны. Хальвен попросил все записи, какие имелись, и до вечера объехал семьи умерших.

У трёх несомненных случаев обнаружилась ещё одна общая деталь. Ренна успела рассказать сестре о красивом незнакомце, которого встретила у дорожного святилища и сама позвала переждать снег на мельнице. Доррен привёл путника на посиделки в Лорне, потому что тот стоял за окном без шапки и плаща. Оллен предложил человеку у двери сесть возле огня в старой караульне. Никто не помнил угроз, ссоры или просьбы о ночлеге: во всех трёх случаях первый шаг делали будущие жертвы.

— Красивый как? — спрашивал Хальвен.

Люди затруднялись. Одни помнили тёмные волосы, другие — светлые. Кто-то говорил о синих глазах, кто-то о серых, а сестра Ренны за один разговор дважды назвала их зе-

лёными. Лица никто не мог описать подробно, но каждый сходился в одном: незнакомца хотелось разглядывать дольше, чем позволяла вежливость. Он говорил мягко, смеялся уместно, внимательно слушал и никогда не просил пустить его в дом. Только подходил к свету и ждал, пока его позовут ближе.

У лесорубов нашёлся рассказ, который не заканчивался болезнью. За неделю до смерти Оллена похожий человек появился возле дальнего стана и остановился за кругом света. Молодые работники хотели позвать его под навес, но старший артельщик заметил, что снег лежит у незнакомца на волосах и плечах, не превращаясь в воду. Он вынес за край стоянки два полена, велел развести собственный огонь и не позволил переступить натоптанную границу вокруг общего костра. Незнакомец простоял там ещё немного, улыбнулся на прощание и ушёл между соснами. Ни один лесоруб после той ночи не заболел.

В доме Ренны старая Брида Нор, принимавшая роды у половины долины, выслушала вопросы Хальвена и сердито стукнула кочергой по очагу.

— Моя бабка говорила: если человек стоит под снегом, а снег на нём не тает, закрой ставни. Если он улыбается у твоего огня — дай ему полено, но не место рядом. Не приглашай его к огню.

— Ваша бабка называла причину?

— Вэллар.

— И что ещё она о нём знала?

Брида нахмурилась, оглянулась на портретную ленту над столом и несколько мгновений перебирала память, словно старые слова лежали в дальнем сундуке под ненужными зимними вещами.

— Ничего такого, что пригодилось бы лекарю. Одни называли его духом, другие — проклятым человеком. Бабка не знала, чем он был. Знала только, чего нельзя делать.

— Он не может войти без приглашения?

— Бабка не говорила «не может». Говорила «не входит». Это не одно и то же, лекарь.

Слово Хальвен слышал лишь однажды, много лет назад, от лекаря, служившего при северной коннице. В тот вечер он разложил на столе свои книги, путевые выписки и несколько листов, которые когда-то переписал из полкового лечебника. В старых охотничьих заметках вэлларов называли бледными духами, детьми зимы и людьми, умершими в метели. Ни один рассказ не объяснял, почему существо ждёт приглашения и что именно делает с теми, кто проявил гостеприимство.

В медицинской выписке нашлась только одна ясная строка: «Тело цело, кровь цела, жизненный жар утрачен». Ниже другой рукой было приписано несколько слов, почти съеденных пятном: «Жарник… берущий обожжён… не удерживает холод». Остальная часть строки исчезла вместе с углом листа. Хальвен достал плоский пузырёк, посмотрел на тём-

ную настойку против света и убрал обратно. Пока эта запись доказывала лишь то, что неизвестный лекарь когда-то умел портить бумагу не хуже нынешних.

На следующее утро Хальвен разослал по деревням короткое предупреждение: не приглашать незнакомцев к общим кострам и в дома, не оставлять молодых людей одних на дороге, сообщать о каждом случае внезапного холода. Родек выделил двух всадников, но сделал это с выражением человека, которому приказали ловить метель сетью. Сам Хальвен остался в Беррене, потому что к полудню привезли ещё одного больного — ученика мельника по имени Сорен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.